

АХМАТОВА В ТАШКЕНТЕ

Кусочек старого Ташкента в самом центре города, он так не вписывается в окружающую его реальность. Низко осевший домик, побитый дувал и небольшая калитка с осыпающейся зеленой краской. Странное впечатление производит мраморная доска на заборе: что-то вроде декорации не из того спектакля. Позолоченная надпись гласит, что раньше тут жил композитор Козловский. Теперь — его вдова, Галина Лонгиновна Козловская. И журавль, которого в этом доме спасли от гибели четверть века назад.

Галина Лонгиновна достает из шифоньера потертые папки, и у каждого из нас захватывает дух — письма и стихи, писанные рукой Ахматовой!

— ...Была ли я знакома с Анной Андреевной до войны? Нет. Нас познакомила Евгения Пастернак, первая жена Бориса Леонидовича. Однажды, это было осенью сорок первого года, она пришла ко мне и сказала: «Приехала Анна Ахматова», — и пригласила меня к ней. Эвакуированных писателей поселили сначала в Управлении по делам искусств. Анне Андреевне досталась бывшая касса. Помню обстановку: железная кровать, печка-буржуйка, табурет, на полке, где выдавались служащим деньги, стоит кружка; с потолка свисает голая лампочка и — очень холодно. Анна Андреевна все время куталась в шубку. Это здание не сохранилось. Нет уже и дома на улице Жуковского, 54, куда Ахматова переехала потом. Там жили многие писатели — Уткин, Погодин, Лугоской. Анна Андреевна поселилась в комнате на балахане, на втором этаже, где до нее жила вдова Булгакова, Елена Сергеевна уехала, и комнату отдали Ахматовой... У Ахматовой есть два стихотворения, связанные с этой комнатой. Одно из них, помните: «В этой горнице колдунья до меня жила одна...»? Мы тогда не понимали, почему вдруг колдунья? Мы не знали о существовании «Мастера и Маргариты», а Булгакова, оказывается, давала читать роман Анне Андреевне.

...Какие у нас были отношения с Анной Андреевной? Дружба длилась затем всю жизнь... Что нас связывало? Знаете, мой покойный муж был знатоком литературы. Плохие поэты его боялись, а настоящие ценили. У них с Анной Андреевной были изумительные разговоры о поэзии. И у обоих — удивительное чувство юмора. Они заражали друг друга. Анна Андреевна как-то сказала: «Я так смеялась только с Мандельштамом, у него был потрясающий юмор».

...Анна Андреевна написала стихотворение «Мужество». Помните, замечательное, патристическое стихотворение. Она пришла к нам и прочитала его. Мы были под огромным впечатлением. «Что вы хотите за это?» — спросил ее Алексей Федорович. «Давайте побудем Шопеном», — сказала она, и он ей играл целый вечер.

...Какой мне запомнилась Ахматова? Я в своих воспоминаниях главу написала о ее красоте. Она была радостью для художников. Анна Андреевна была необыкновенно красива аристократической, даже какой-то патрицианской красотой. И после, когда она состарилась, сохранила эту величавость, благородство.

...Обращали ли внимание на нее на улицах Ташкента? Нет, никто не знал, что это — Ахматова.

...Как ее приняли? Надо отдать справедливость, правительство делало все возможное, чтобы облегчить жизнь эвакуированным писателям... Она получала массу писем. Помню, читала нам письмо одного офицера: через полчаса они выступают, и он благодарит ее за стихи. Там были слова: «Анна Андреевна, благословите нас». Вот отношение людей. Она была женщиной трагической судьбы и необыкновенного мужества. Но, несмотря на все унижения, у нее никогда не было кукиша в кармане, выражаясь простонародным языком. Выступала ли она со стихами? Ее авторских выступлений я не помню, по моему, их и не было. Но она выступала с группами писателей. И всегда много и охотно читала в госпиталях.

Галина Лонгиновна подает нам желтый листок из блокнота. Это известное ахматовское: «Заснуть огорченной,

Проснуться влюбленной...» Наверху посвящение — Галине Герус (девичья фамилия Козловской. — О. К.). Внизу дата — 1942, весна, Ташкент. И подпись — Анна Ахматова. Я не помню посвящения, но, желая проверить себя, достаю томик стихов, выпущенный недавно ташкентским издательством. Так и есть — посвящение отсутствует. Почему? Галина Лонгиновна пожмает плечами. Мы сличаем подлинник с печатным текстом: у Ахматовой — Шахеразада, в сборнике — Шехерезада. Разнятся и знаки препинания. Интересно, это самодеятельность редакторов или более поздняя корректура самой поэтессы?

— ...А история создания стихотворения такова, Анна Андреевна увидела раз мою фотографию — я была снята в каком-то восточном одеянии с кувшином в саду. Ей очень понравилась карточка, и она долго рассматривала ее. А на другой день пришла и протянула мне этот листок со стихотворением. Она звала меня Шахеразадой.

Я перелистываю сборник стихов и попадаю на стихотворение «А в книгах я последнюю страницу всегда любила больше всех других...». Никогда я не могла понять в нем двух последних строк: «И, говорят, в одном из тех домов уже ковром закрыт проклятый профиль». Место и время создания — Ташкент, 1943 год.

Галина Лонгиновна смеется: — Мы жили тогда с мужем на Хорошинской улице. Однажды вечером, когда Анна Андреевна была у нас, она села так, что на белой стене четко отпечатался ее профиль. Алексей Федорович обвел его сначала карандашом, а затем углем. Мы дразнили Анну Андреевну, что по ночам профиль живет своей собственной жизнью, и она даже как-то настроилась мистически. А потом мы завесили стену куском парчи. «Боже мой, — сказала Анна Андреевна, — какая роскошь всего лишь для бедной тени».

Галина Лонгиновна говорит вдруг, что устала. Мы смотрим на часы и ахаем — на исходе третий час беседы. Быстро собираемся и попутно задаем очень много вопросов. Теперь Галина Лонгиновна отвечает охотно.

— Играла ли Ахматова на фортепиано? Нет. Курила? Что вы! Была ли оптимисткой? Вот уж никогда не думала о ней с этой стороны. Она была сложным человеком, но все воспринимала нормально, как надо. Ссорилась ли? Ну, знаете... Все бывало, как у всех. Что читала? Шекспира, конечно, по-английски. Но у нее было плохое произношение, и она иногда просила меня почитать ей вслух. Очень любила «Божественную комедию» Данте, читала по-итальянски. Вообще знала свободно немецкий, французский, английский, итальянский, немного хуже — испанский язык. По моему, и еще какие-то, но боюсь приписать. Анна Андреевна была ослепительной собеседницей, гениально образованным человеком, говорила на любые темы.

...Она ненавидела фамильярность и пресекала малейшие ее попытки. Но с теми, кто не знал Ахматову, обращалась очень просто. Была сказочно добрым человеком, и это при ее-то бедности. Никогда не забуду, как мы с мужем вернулись откуда-то домой, и на окне у нас лежит шоколадка. Это было — как удар грома, что-то давно забытое из прежней жизни. Оказалось потом, что к нам заходила Ахматова. Писателям полагались какие-то пайки, а мы с мужем — посланные сюда — не входили в число людей, кого опекала власть.

...Я могу сказать точно: Анне Андреевне было в Ташкенте очень хорошо, она много работала, здесь у нее были друзья. А вообще она была гениальной женщиной, гениальным человеком и гениальным поэтом. Даже Гумилев признавал, что как поэт она выше его. Слава богу, правда восторжествовала!

...Мы уходим. До калитки нас провожает журавль. Переступаем порог и возвращаемся в восемьдесят девятый год. Встреча с Ахматовой кончается.

О. КРУПЕНЬЕ

ТАШКЕНТ